

УДК 821.111-31(Остин Ф.)
DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-
ББК ШЗ3(4Вел)64-8,444
ГРНТИ 17.07.29
Код ВАК 10.01.03

РЕЦЕПЦИЯ «МИФА О БРОНТЕ» В РОМАНЕ ФИНОЛЫ ОСТИН «BRONTË'S MISTRESS»

Илунина А. А.

Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова (Воронеж, Россия)
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-3871-7555>

Аннотация. Целью данной работы было проанализировать, как в романе современной британско-американской писательницы Финолы Остин «Brontë's Mistress», посредством обращения к категории интертекстуальности, реализуется новое, близкое к феминистическому, прочтение истории семейства Бронте и его «злого гения» Лидии Робинсон. Актуальность исследования продиктована востребованностью «мифа о Бронте» в английской и мировой культуре, а новизна – малой степенью изученности опыта его рецепции современной британской литературой в отечественном литературоведении. Сделаны выводы, что на основе диалога с беллетризированной биографией Элизабет Гаскелл, романами Энн Бронте «Агнес Грей», «Незнакомка из Уайлдфелл-холла», Шарлотты Бронте «Джен Эйр», «Городок», Эмили Бронте «Грозовой перевал» Финола Остин ставит и решает в близком к феминистскому ключе вопросы, связанные с темами семьи, брака, женской сексуальности, роли женщины в викторианском и современном обществе. Роман Ф. Остин представляет собой «рукопись», которая, якобы, была найдена в наше время в поместье Торп Грин Холл, написанную от лица «той самой» Лидии Робинсон. Таким образом, тот, кто ранее был только объектом повествования, обретает субъектность и голос. «Падшая женщина» в романе Остин не получает традиционного наказания от общества, мироздания или иной высшей силы за свои «грехи», писательница реабилитирует ее право если не на счастье, то на спокойствие, актуализируя, тем самым, современную европейскую гендерную повестку. Рассмотрена роль в романе параллелей с романами Дж. Остен «Гордость и предубеждение» и «Леди Сьюзен». Для решения задач исследования были применены культурно-исторический и сравнительный методы литературоведческого анализа. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении творчества Ф. Остин, репрезентации «мифа о Бронте» в современной британской и мировой литературе, в том числе массовой.

Ключевые слова: британская литература; британские писательницы; интертекстуальность; неовикторианские романы; феминизм; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы.

“THE BRONTË MYTH” RECEPTION IN “BRONTË'S MISTRESS” BY FINOLA AUSTIN

Anna A. Ilunina

Voronezh State Forestry Engineering University named after G.F. Morozov (Voronezh, Russia)
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-3871-7555>

Abstract. The article is aimed to analyze how the novel of the contemporary British-American writer Finola Austin “Brontë's Mistress”, through the category of intertextuality, implements a new, close to feminist, reading of the history of the Brontë's family and its “evil genius” Lydia Robinson. The urgency of the study is stimulated by the demand for “the Brontë myth” to be described in English-speaking and world culture, and the novelty is due to the low level of investigation of its reception by contemporary British literature in Russia literary studies. It is concluded that based on the dialogue with the fictionalized biography of Elizabeth Gaskell, the novels of Anne Brontë “Agnes Gray”, “Tenant of Wildfell Hall”, Charlotte Brontë “Jane Eyre”, “Villette” and Emily Brontë “Wuthering Heights”, Finola Austin poses and solves in a close to feminist way issues related to the themes of family, marriage, female sexuality, the role of women in Victorian and modern society. The novel by Finola Austin is a “manuscript” that was allegedly found in our time at the Thorp Green Hall estate, written as if by “that very” Lydia Robinson. Thus, the person who ones was only the object of the narrative acquires a subjectivity and a voice. The “fallen woman” in Austen's novel does not receive the traditional punishment from society, the universe or any other higher power for her “sins”; the writer rehabilitates her right, if not to happiness, then to peace, thereby actualizing the modern European gender paradigm. The article considers the role of parallels in the novel with the novels of Jane Austen's “Pride and Prejudice” and “Lady Susan”. Cultural-historical and comparative methods of literary analysis are used to solve the problems of the study. The results of the research can be used for further study of Finola Austin's creative work and the representations of the “the Brontë myth” in modern British and world literature, including mass literature.

Keywords: British literature; British women-writers; intertextuality; new neo-Victorian novels; feminism; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary characters.

Для цитирования: Илунина, А. А. Рецепция «мифа о Бронте» в романе Финолы Остин «Brontë's Mistress» / А. А. Илунина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. XX-XX. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-

For citation: Ilunina, A. A. (2021). "The Brontë Myth" Reception in "«Brontë's Mistress»" by Finola Austin. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. XX-XX. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-

У английского слова «mistress» есть два значения: «хозяйка» и «любовница». Вероятно, оба они должны приходить в голову читателю при знакомстве с дебютным романом молодой британо-американской писательницы Финолы Остин (Finola Austin) «Brontë's Mistress» (2020). Однако под фамилией Бронте тут скрывается не одна из ставших всемирно известными британских писательниц, а, пожалуй, самый загадочный член этой знаменитой семьи, единственный брат Шарлотты, Эмили и Энн, Патрик Брэнвелл Бронте (Patrick Branwell Brontë) (1817-1848).

С детства бывший любимцем отца, возлагавшего на него, как и все члены семейства, большие надежды, Брэнвелл, к сожалению, не смог их оправдать. Реализовать имевшиеся у него неплохие задатки художника, поэта, сочинителя ему помешала, вероятно, слабость характера и растущее пристрастие к алкоголю и опиуму. В 1835 г. Брэнвелл, по некоторым сведениям, пытался поступить в Королевскую Академию Искусств, но прокутил все имевшиеся у него деньги, а, возможно, просто отступил, осознав свою неготовность к учебе в таком престижном заведении [Neufeildt 2020]. Работа частным учителем тяготила его, службу клерком на железной дороге пришлось покинуть из-за халатности и растраты. В 1843 г. Брэнвелл поступил в Торп Грин Холл, усадьбу Робинсонов, где с 1840 г. уже работала гувернанткой его сестра Энн, в качестве учителя [Barnal, Barnal 2013]. Пятилетний опыт службы там, по мнению всех исследователей, лег в основу романа Энн Бронте «Агнес Грей» («Agnes Grey») (1847); члены семьи Робинсонов стали прототипами Мэрреев. Супруга Робинсона Лидия, мать пятерых детей, была почти на двадцать лет старше Брэнвелла [A portrait of Lydia Robinson 1981], однако, в письмах друзьям он постоянно упоминал о своем увлечении ею. Доподлинно неизвестно, насколько сама Лидия разделяла его чувства.

В июле 1945 г. Брэнвелл получил отставку. Причины увольнения остались для потомков если не неизвестными, то полностью не доказанными. Возможно, они были как-то связаны с увлечением Брэнвелла супругой хозяина. После вскоре последовавшей смерти мистера Робинсона его вдова, якобы, дала Брэнвеллу понять, что не планирует соединять с ним свою судьбу, и вскоре вышла замуж за Лорда Эдварда Скотта [Gaskell 1998]. Вместе с тем, миссис Робинсон, по некоторым сведениям, долгое время присылала Брэнвеллу небольшие денежные суммы, возможно, из жалости, возможно, чтобы предотвратить шантаж с его стороны. Последние годы жизни Брэнвелл провел в доме отца, в Хауорте. Судя по письмам сестер Брэнвелла, его алкоголизм, прогрессирующая наркотическая зависимость, многочисленные долги, постоянные требования денег, угрозы отцу самоубийством и убийством в случае отказа, неконтролируемое поведение стали мучением для его семьи [Dinsdale 2006: 38-43; Barker 2016]. В сентябре 1848 г. Брэнвелл скончался, вероятнее всего, от туберкулеза, отягощенного алкогольной и наркотической зависимостью. Его сестра Эмили, предположительно, простыла на его похоронах и умерла от туберкулеза в декабре того же года, а сестра Энн – в мае следующего. Шарлотта Бронте скончалась в 1855 г. [Waugh 2018]. Некоторые исследователи связывают ее смерть также с прогрессирующим туберкулезом внутренних органов [Helm 2002].

По мере того, как формировался миф о Бронте, образ миссис Робинсон, работодательницы Брэнвелла, стал приобретать черты некоего злого гения семьи Бронте. Начало этому положила биография Шарлотты Бронте, вышедшая из-под пера Элизабет Гаскелл (Elizabeth Gaskell) (1810-1865) всего через пару лет после смерти автора «Джен Эйр». Гаскелл не указала имени Лидии в своей биографии, однако, оно было настолько очевидно, что даже велось дело о судебном иске.

*«Branwell ... took the fancy of a married woman <...> She was so bold and hardened, that she did it in the very presence of her children, fast approaching to maturity; <...> He was so beguiled by this mature and wicked woman, <...> he shocked and distressed those loving sisters inexpressibly; the blind father sat stunned, sorely tempted to curse the profligate woman, who had tempted his boy – his only son – into the deep disgrace of deadly crime. <...> The day of Charlotte's return, he had received a letter from Mr., – sternly dismissing him <...> All the disgraceful details came out <...> he began his career as an habitual drunkard to drown remorse. <...> the man became the victim <...> The woman – to think of her father's pious name – the blood of honourable families mixed In her veins – her early home, underneath whose roof-tree sat those whose names are held saintlike for their good deeds, – she goes flaunting about to this day in respectable society; a showy woman for her age; kept afloat by her reputed wealth. <...> wretched woman, who not only survives, but passes about in the gay circles of London society, as a vivacious, well-dressed, flourishing widow. <...> the misery she caused to innocent victims, whose premature deaths may, in part) be laid at her door» [Gaskell 1998]. «Брэнвелл ... понравился замужней женщине <...> эта дама была настолько смела и самоуверенна, что действовала на виду у своих детей, уже почти взрослых; <...> Брэнвелл был околдован этой зрелой и порочной женщиной, <...> это ужаснуло его любящих сестер; слепой отец был ошеломлен и горько проклинал развратную женщину, которая соблазнила и увела на путь смертного греха его мальчика, его единственного сына. <...> В день возвращения Шарлотты он получил письмо от мистера ***. В резких выражениях мистер *** сообщил, что <...> увольняет его. Все позорные подробности вышли наружу <...> Чтобы заглушить угрызения совести, Брэнвелл пристрастился к спиртному. <...> Жертвой оказался мужчина. <...> Что касается женщины, то тут надо вспомнить, что ее отцом был весьма благочестивый человек, что в ее*

венах смешалась кровь нескольких благородных родов. В доме, где прошло ее детство и юность, собирались те деятели нашей истории, чьи имена чтут до сих пор, подобно именам святых, за их добрые дела. Эта женщина продолжает вращаться в самом уважаемом обществе; она прекрасно выглядит для своих лет и пользуется всеобщим вниманием, благодаря своему немалому богатству. <...> слышала я о ней и в лондонских гостиных <...> жизнерадостная, всегда прекрасно одетая, цветущая вдовушка <...> Давайте же почитаем <...> о несчастьях, которые она причинила невинным жертвам, чьи преждевременные смерти имели отчасти причиной и ее поступки» [Гаскелл 2015].

Обвинения в адрес миссис Робинсон были сознательным решением Э. Гаскелл, которая писала в письме в октябре 1856 г. *«I have <...> to libel – Lady Scott (that bad woman who corrupted Branwell Bronte)»* (Цит. по [Barnal, Barnal 2013]) (Я хочу пригвоздить Леди Скотт (ту недобрую женщину, которая развратила Брэнвелла Бронте) (здесь и далее перевод мой – И. А.).

Большинство биографов Бронте и по сей день в общих чертах придерживаются версии, изложенной в «Жизни Шарлотты Бронте» Э. Гаскелл. Миссис Робинсон – это имя в англо-саксонской культуре стало нарицательным для обозначения женщины средних лет, которая соблазняет молодого человека. В фильме «Выпускник» (1967) любовницу главного героя Бена Брэдока в исполнении Дастина Хоффана зовут миссис Робинсон. Песня из саундтрека к фильму в исполнении дуэта Саймона и Гарфункеля «Миссис Робинсон» имела ошеломительный успех и достигла первых строчек национальных чартов. Оставаясь по сей день одной из самых известных оригинальных песен-саундтреков, она исполняется, например, в сцене соблазнения «мамой Стифлера» одного из героев кинофильма «Американский пирог» (1999); в «Форесте Гампе» (1994); «Новом парне моей мамы» (2008).

«Миф о Бронте» чрезвычайно востребован в англо-саксонской и мировой культуре, однако, опыт его рецепции в современной британской литературе пока недостаточно изучен в отечественном литературоведении. Целью нашей статьи было проанализировать, как в «Brontë's Mistress» Фиолы Остин, посредством обращения к категории интертекстуальности, реализуется новое прочтение истории семейства Бронте и его «злого гения» Лидии Робинсон. Для решения задач исследования были применены культурно-исторический и сравнительный методы литературоведческого анализа.

Автор романа «Brontë's Mistress» – страстная поклонница и исследовательница викторианства. Отец Ф. Остин был ирландцем (так же, как у сестер Бронте). Родившись в Англии, детство она провела в Северной Ирландии. Закончив методистский колледж в Белфасте, Остин вернулась в Англию и получила степень бакалавра, а потом и магистра по английской литературе в Оксфорде. Именно тогда началось ее увлечение викторианством. Магистерская диссертация Остин была посвящена творчеству авторов сенсационных романов Мэри Элизабет Брэддон и Уилки Коллинза. Позднее будущая писательница создала блог «The Secret Victorianist», посвященный литературе и культуре XIX в., который был удостоен нескольких почетных наград в своей области.

Задумку своего романа Ф. Остин объяснила тем, что «dedicated my book to ‘the women who didn’t write novels’ – that is to voices we haven’t heard from history; the women who’ve been forgotten, or, like Lydia, maligned and misjudged [Austin Lydia 2020] (посвятила свою книгу «женщинам, которые не писали романов» – чтобы дать голос тем, кто не слышен в истории; женщинам, которые забыты, или, как Лидия, оклеветаны и осуждены). Таким образом, тот, кто ранее был только объектом повествования, обретает субъектность и голос.

Роман Ф. Остин представляет собой «рукопись», которая, якобы, была найдена в наше время в поместье Торп Грин Холл, написанную от лица «той самой» Лидии Робинсон. История, «поведанная» ей, – это рассказ о жизни тех женщин, чьи тщеславие, спесь и ветреность, наблюдая со стороны, осуждали скромные гувернантки из романов Энн («Агнес Грей») и Шарлотты Бронте («Джен Эйр» («Jane Eyre») (1847), «Городок» («Villette») (1853)), но на чьем месте, возможно, и, не отдавая себе отчета, так мечтали оказаться. Лидии Робинсон далеко до старости, она замужем, у нее четверо детей, ее супруг еще молод и у него есть деньги и положение в обществе. Однако «*Hadn't Blanche Ingram suffered too? Or the first wife, the one Mr. Rochester had cast aside? Readers were so quick to lap up the sorrows of moping governesses when that was only one side of the story*» (Разве Бланш Ингрэм также не страдала? (Или первая жена, которую Мистер Рочестер заточил на чердаке? Зрители торопятся посочувствовать горестям унылой гувернантки, тогда как это лишь одна из сторон истории) [Austin 2020: 27]. Приезде молодого учителя Брэнвелла в Торп Грин Холл предшествует череда печальных событий в жизни миссис Робинсон: смерть ее матери и младшей, горячо любимой дочери Джорджианы. Горе никак не помогает пережить ни холодность и отстраненность мужа Эдмунда, ни педантичность строгой свекрови, следящей за каждым ее шагом. Появление Брэнвелла с его любовью к поэзии, музыке, романтической пылкостью вносит свежую струю в ее устоявшуюся жизнь.

Ф. Остин предлагает взгляд на историю из XXI в., когда представления о поведении и роли женщины в обществе и семье и о женской сексуальности значительно изменились. Еще в середине XX в. ставшая впоследствии культовой фигурой феминизма Симона де Бовуар (Simone de Beauvoir) (1908-1986) в книге «Второй пол» («Le Deuxième Sexe») (1949) [Бовуар 1997] на основе анализа западной культуры, начиная с античности, сделала вывод, что «общество конституирует маскулинность как позитивную культурную норму, а феминность – как отклонение от нормы» [Воронина 2019: 7]. «Гендерная асимметрия, поставив мужчину в центр, в положение абсолюта, вывела женщин на маргинессы» [Власова 2013]; отсутствие равноправия на экономическом, политическом, семейном уровнях помещало женщину и в сознании мужчины, и в ее собственном в позицию Другого. «*This was their world, not mine. And in their world, I could only ever be on the*

peripheries, setting the stage and ornamenting the room, before slipping away like a servant or a shadow» [Austin 2020: 25] (Это был их мир, не мой. И в их мире я могла быть только на периферии, как декорация и украшение комнаты, чтобы потом ускользнуть, подобно слуге или тени), – говорит героиня романа Ф. Остин. Викторианство видело в женщине тень мужчины, «ангела в доме» (образ из поэмы Ковентри Пэтмора (Coventry Patmore) «The Angel in the House» (1854)), в противном случае, отвергало ее и отказывалось принимать, «любое отклонение воспринималось как признак «болезненности» [Аникудимова 2018: 163]. Как известно, только женская измена, в отличие от мужской, могла стать причиной развода. Согласно «Акту об опеке над детьми» (The Custody of Infants Act), женщины в Англии в 1839 г. впервые получили право на опеку над детьми до достижения ими семи лет, но это не касалось тех случаев, когда матери были уличены в прелюбодеянии.

На основе диалога с романами Энн Бронте, Шарлотты Бронте, Джейн Остен, беллетризированной биографией Э. Гаскелл Ф. Остин исследует «изнанку» и скрытую реальность викторианского брака.

Оба законных мужа Лидии в романе достаточно холодно к ней и чопорны в проявлении своих чувств в интимной сфере. Стремление Лидии к интимности мужа считают проявлением истерии и советуют ей обратиться к врачу за успокоительным. «*Lydia, you are acting like a whore <...> Lie still*» (Лидия, ты ведешь себя как шлюха. <...> Лежи спокойно) [Austin 2020: 27], – говорит ей сэр Эдвард. Здесь Ф. Остин обращается к знаменитой фразе, описывающей нормы поведения приличной викторианской жены среднего класса («Лежи и терпи») («Suffer and be Still») [Vicinus 1973]. Но и Брэнвелл больше погружен в собственные романтические мечты об идеальной даме своего сердца, чем живет в реальности. Ф. Остин вкладывает в его уста цитаты из романа «Грозовой перевал» («Wuthering Heights») (1847) Э. Бронте, заставляет его произносить монологи о телепатическом общении любящих душ, отсылающие к эпизоду, где Джен Эйр слышит зов мистера Рочестера через пространство. Оправдания Брэнвелла сестрами («*You have corrupted a soul too gentle for this world and unsuited to its harshness*») [Austin 2020: 16] (Вы развратили душу слишком нежную для этого мира и не готовую к его грубости) и даже мужем миссис Робинсон («*„Mr. Brontë seduce you?“ Edmund laughed. “I should think it’s the other way around. The boy is a painter, a poet, an innocent”*») [Austin 2020: 13]. («Мистер Бронте соблазнил тебя?» – Эдмунд рассмеялся. – «Я думаю, наоборот. Невинный мальчик, художник, поэт») более практичная Лидия отвергает: «*Gentle? Branwell as I had seen him on that Easter night more than two years ago flashed before me, his eyes roving independently of each other, vomit on his shirt, the discarded bottles rolling across his bedroom floor*» [Austin 2020: 16] (Нежный? Перед глазами промелькнуло то, каким я видела Брэнвелла более двух лет назад, пасхальным вечером, с дикими глазами, следами рвоты на рубашке, пустыми бутылками, разбросанными по всей комнате). Впоследствии Лидия понимает, что ответить на ухаживания Брэнвелла ее подтолкнуло равнодушие мужа и стремление доказать ему свою привлекательность и вернуть его расположение, а известие о неизлечимой болезни последнего повергло ее в шок. Несколько месяцев миссис Робинсон проводит у постели умирающего супруга, заботясь о нем. «*Branwell had loved only the dream of me, had made the same mistakes I had years – decades – before, when I hadn’t seen Edmund so much for who he was but for who I wished him to be. And I’d loved Branwell for a time only for what he gave me, not for who he was*» [Austin 2020: 25] (Брэнвелл любил мечту обо мне, он совершил те же ошибки, что и я, десятилетиями ранее, когда я видела в Эдмунде того, кем он не был, и каким я только хотела его видеть. Я когда-то любила Брэнвелла только за то, что он мне давал, а не за то, каким он был), – рассуждает Лидия. Но в мире мужчин только мужчина имеет право на ошибку (она и ошибкой не считается), женщине она не прощается.

В викторианскую эпоху с момента выхода замуж женщина теряла гражданскую правоспособность. Только в 1880-х гг. замужние женщины получили право на управление собственностью, полученной до и после заключения брака, до этого момента всем их имуществом, в том числе доставшимся от родителей, управлял муж. Вдова также не могла претендовать на наследство покойного, пока оставался в живых хотя бы один родственник мужского пола; опекуном несовершеннолетних детей могла быть назначена в завещании не мать, а любой другой человек, что часто ставило вдову в угнетенное и зависимое положение. Положение незамужних женщин в чем-то даже было выгоднее, учитывая все вышесказанное, а также высокую смертность матерей при родах и в результате осложнений беременности, однако, в реальности оно, в основном, зависело от воли родственников мужского пола. «Старые девы» вынуждены были во всем подчиняться правилам дома, в котором жили, быть компаньонками пожилых родственниц или помогать в воспитании детей сестер, статус их в обществе был крайне низким (см. [Canot 2013: 10-14]).

В книге Ф. Остин после смерти мужа Лидия осознает, что он не только черств с ней при жизни, что отчасти подтолкнуло ее к измене, но и оставил ее и детей практически без средств к существованию: «*My husband had a shallow pool of love. After that was spent, he passed his life locked away from us, and now he has left us with next to nothing. He failed us. Yes. And I had never known it. I had thought him perfect. For, after all, how was I to know that he was as poor a husband as I was a wife?*» [Austin 2020: 21] (Источник любви моего мужа был неглубок. Когда он иссяк, Эдмунд закрылся от нас, а теперь покинул нас, не оставив практически ничего. Он нас подвел. Да. Но я этого не знала. Я считала его совершенным. Откуда я могла знать, что он такой же плохой муж, как я – жена?).

Опекуном сына Лидии по завещанию был назначен шурина мужа. «*It is no more your home than it is mine. It was your husband’s home. After that, it was my husband’s. And now it is my son’s*» [Austin 2020: 21] (Это больше не ваш дом, и не мой. Это был дом вашего мужа. Потом моего. Теперь это дом моего сына), – говорит она своей свекрови. Лидия вынуждена была переехать в особняк семейства своей родной сестры. Тяжелая атмосфера в

чужом доме, где ей и ее дочерям была предназначена роль приживалок, заставила ее стать хозяйкой своей судьбы.

Стремление к удачному замужеству, ставшее объектом насмешек в викторианской литературе (так, в романе «Агнес Грей» «хозяйка дома, миссис Мэррей, озабочена не воспитанием дочерей, а возможностью их удачного замужества» [Полякова 2011: 152]), было продиктовано не только тщеславием: благополучный брак был практически единственной возможностью для женщины сохранить или улучшить свое социальное и материальное положение и заслужить уважение общества, «не стать бесполезной обузой для своих родственников» [Canot 2013: 13]. В отличие от простолюдинок, дамы среднего и высшего класса не работали вне дома; девушки, вынужденные трудиться гувернантками, были объектом жалости.

Рассказывая о судьбах дочерей Лидии, Ф. Остин цитирует частую для романов викторианства тему выбора спутника жизни, показывая более реалистичную ее трактовку, когда молодая девушка принимает решение, исходя из очень ограниченного круга возможностей и скудных представлений как о своем будущем муже, так и о браке. Из-за имущественных и сословных предрассудков, сложной системы запретов на брак среди некровных родственников замужество было нелегким делом для девушки среднего класса и ее родителей, особенно при отсутствии или незначительности приданого. «*I had raised her and her sisters as I had been raised myself: as prize pigs, on a diet of worthless promises and useless talents. And now I scolded her for going willingly to the slaughter*» (Я вырастила ее и ее сестер, как когда-то воспитывали меня: как призовых свиней, на диете из бессмысленных обещаний и ненужных талантов. А теперь я винила ее в том, что она безмолвно идет на заклание) [Austin 2020: 26], – размышляет миссис Робинсон, когда узнает, что ее младшая дочь Мэри, повинувшись выбору своего дяди, скоро выйдет замуж. Так же, как у героини «Агнес Грей» Розалии Мэррей, замужество старшей дочери Робинсонов Лидии в «*Brontë's Mistress*» закончилось разочарованием, только в романе Ф. Остин она не вышла замуж за богатого дворянина, а тайно сочеталась браком с молодым бедным актером. Романтический брак «по любви» не сделал ее счастливой, она вынуждена постоянно писать матери слезные письма с просьбой выслать им денег. Впрочем, и викторианство настороженно относилось к бракам по страстной любви, ратуя за создание семьи, прежде всего, на основе духовного родства и уважения супругов. Сцена приезда дочери Лидии в родной дом после скороспелого замужества; восхищение миссис Робинсон масштабами угодий при въезде в поместье Лорда Эдварда Скотта; описание озабоченности провинциальных мамочек желанием «сбыть с рук» своих дочек отсылают к роману Дж. Остен (1775–1817) «Гордость и предубеждение» (1813). «Вопросы брака, касающиеся <...> ответственности в выборе спутника или спутницы, которые несут родители и сами молодые люди, – одна из главных тем в „Гордости и предубеждении“» [Коваленко, Бехер, Золотухина 2012: 174] Дж. Остен и во всем ее творчестве. Ратуя за свободу выбора в семейной жизни, Ф. Остин акцентирует внимание на социальных мотивах, которые стоят за поведением героев, и сложных последствиях их решения, когда в «некнижной» реальности мистер Дарси не просил во второй раз руки Элизабет, а если бы и сделал это, то вряд ли поменялся бы внутренне, а отвергнутое предложение мистера Коллинза могло оказаться единственным в жизни девушки. В то же время желание женщины не только быть хозяйкой дома и матерью, но и быть любимой и сексуально удовлетворенной в браке в XXI в. уже не рассматривается как внутренне потенциально порочное и требующее порицания.

В романе «*Brontë's Mistress*» прослеживаются параллели в сюжете и характерах с ранним эпистолярным романом Дж. Остен «Леди Сьюзен» («*Lady Susan*») (1805) о ловкой вдове-авантюристке, манипулировавшей дочерью и с помощью интриг восстановившей свою порушенную репутацию. Произведение Остен своей тематикой и жанром скорее отсылает к литературе XVIII в. («Опасные связи» («*Les Liaisons dangereuses*») (1782) Шодерло де Лакло (*Choderlos de Laclos*) (1741–1803)), чем к этике предвикторианства и викторианства, и, хотя пафос нравственного возмездия в нем значительно снижен, по сравнению с более поздними романами писательницы (Мария Бертрам в «Менсфилд Парке» («*Mansfield Park*») (1814)), все равно книга имеет тенденцию к морализаторству. Характер миссис Робинсон в романе Ф. Остин написан далеко не такими зловещими красками, как образ Леди Сьюзен в романе Дж. Остен, в частности, в отличие от последней, она любит своих детей и излишне критичное и колкое описание их в романе Энн Бронте «Агнес Грей» ее ранит. «*Since when I'd read and reread her rendition incessantly, smarting at the injustice of it*» [Austin 2020: 27] (С того момента я буду читать и перечитывать ее трактовку нашей жизни, мучаясь от ее несправедливости).

В романе также поднимается тема двоеженства: супруга Лорда Эдварда Скотта, будущего второго мужа Лидии, несколько лет перед своей смертью была прикована к постели в своей комнате «на чердаке». Строя повествование на явных параллелях с «Джен Эйр», Ф. Остин показывает, что ситуация двоеженства при отсутствии возможности получить развод, достаточно типичная для викторианской Англии, была тяжелой для всех ее участников. В отличие от Эдварда Rochester и Джен Эйр в романе Ш. Бронте, Эдвард Скотт и миссис Робинсон не противопоставляют себя Кэтрин, первой жене Эдварда, не демонизируют ее фигуру и ее прошлое. Лидия видит сходство между ними, связанными по воле рока одной судьбой, Кэтрин для нее: «*the ghost of what I <...> one day still could, would be*» [Austin 2020: 26] (призрак того, кем я <...> однажды могу стать, кем я стану).

Определенные части романа Ф. Остин, описывающие ее семейные отношения, перекликаются с эпизодами второго и последнего романа Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-холла» («*Tenant of Wildfell Hall*») (1848), имевшего феноменальный, но скандальный успех. Это произведение было новаторским с точки зрения описания положения женщины в викторианстве и мужской тирании в семье, в силу чего было неоднозначно воспринято публикой. Негативная реакция Шарлотты Бронте на роман, известная из ее переписки, стала

причиной того, что после смерти Энн она воспрепятствовала его дальнейшей публикации. Героиня романа Хелен вопреки воле близких выходит замуж за привлекательного, но легкомысленного Артура Хантингтона, уверенная, что под влиянием ее любви он сможет измениться и побороть свои слабости. Однако этого не происходит, Артур все глубже погружается в пучину пороков. Стремясь защитить себя и своего сына, женщина сбегает от мужа вместе с ребенком и находит тайное убежище в Уайлдфелл-холле. Такое поведение было совершенно неприемлемым с точки зрения викторианской морали, однако, явно вызывало симпатию автора.

В «Незнакомке из Уайлдфелл-холла» грубость, душевная нечуткость супруга в отношении жены, эгоизм связываются со злоупотреблением алкоголем и распущенностью. Эдмунд Робинсон в романе Остин, как и Артур Хантингтон в романе Бронте, не способен понять и разделить горе жены при известии о болезни и смерти ее родственников, ее стремление уехать из дома: «*Он и слышать не пожелал, чтобы я поехала на похороны и осталась бы на день-два скрасить бедному Фредерику его одиночество ... Я не смогу расстаться с тобой даже на день!*» [Бронте 2019: 91]. В романе Фиолы Остин показывается, что многие подобные проявления были обыденностью поведения мужчины в семье, продиктованной не особенной «моральной деградацией» отдельных индивидов, а общими «правилами поведения» в викторианском браке, поощряемые, в том числе, системой так называемого викариата – женщинами, поддерживающими гендерное неравенство и являющимися его проводниками, в частности, свекровью Лидии: «*„For your husband's family must always come first, Lydia,“ Elizabeth Robinson continued. Her nails dug into my flesh. „Edmund says you harangue him about visiting your father in Staffordshire or your sister in Derbyshire, and that you'd gad about the North of England unaccompanied if you had your way. And that is no way for a wife, or any woman, to act.“ „My sister, Mary, writes that my father is ill,“ I said, as we left the church. I pulled away from her to free my arm and shield my face from the direct sunlight. „I wouldn't wish to go to Yoxall Lodge too late, as I did with Mother.“ Old Mrs. Robinson nearly took my eye out as she opened her parasol. „And what use would you be, my dear?“ <...> „You've never been a natural nurse.“*» [Austin 2020: 11] («Семья твоего мужа всегда должна быть на первом месте, Лидия», – продолжила Элизабет Робинсон. Ее ногти впились в мою ладонь. «Эдмунд говорит, что ты хочешь поговорить с ним о том, чтобы навестить своего отца в Стаффордшире или сестру в Дербишире, и одной поехать на север Англии. Это недопустимо для жены и женщины». «Моя сестра Мэри пишет, что отец болен», – сказала я, когда мы вышли из церкви. Я отстранилась от нее, чтобы освободить руку и защитить лицо от прямых солнечных лучей. «Я бы не хотела приехать в Йоксалл-Лодж слишком поздно, как получилось с мамой». Старая миссис Робинсон чуть не выколола мне глаз, открывая свой зонтик. «И что толку от тебя, моя дорогая?» <...> «Ты всегда была некудышной сиделкой»). Образ матери Эдмунда Робинсона отчасти отсылает к образу миссис Маркхем, матери Гилберта. В романах Энн и Шарлотты Бронте «негативные» примеры супружества всегда уравниваются «позитивными», в «Brontë's Mistress» Остин ситуация отчуждения в браке и семье практически повсеместна.

Отметим, что в романе Энн Бронте «Хелен, являясь сама образцом морали, высококонтрастным человеком, ... во всех случаях и ситуациях остается верной высшим идеалам» [Елисеева 2011: 167]. Это отличает ее от «обычной» женщины Лидии, которая совершает ошибки, подвержена слабостям и не способна к явному вызову обществу, опасается переступить грани предначертанного ей ее женской судьбой и социальным положением, ограничиваясь «внутренним бунтом».

«Падшая женщина» – один из тропов европейской литературы XIX в. («Г-жа Бовари» («Madam Bovary») (1856) Гюстава Флобера (Gustave Flaubert) (1821-1880); «Анна Каренина» (1873-1877) Л. Н. Толстого (1828-1910); «Дама с камелиями» («La Dame aux Camélias») (1848) Александра Дюма (сына) (Alexandre Dumas fils) (1824-1895); «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» («Tess of the d'Urbervilles») (1891), «Джуд Незаметный» («Jude the Obscure») (1896) Томаса Гарди (Thomas Hardy) (1840-1928); «Мельница на Флоссе» («The Mill on the Floss») (1860) Джордж Элиот (George Eliot) (1819-1880); романы Мэри Элизабет Брэддон (Mary Elizabeth Braddon) (1835-1915) и другие). Отношение к «падшей женщине» в литературе обычно было проникнуто гуманистическим пафосом, убежденностью, что, несмотря на свои ошибки и пагубные страсти, она заслуживает снисхождения и милосердия. Однако в конце классического произведения ее обычно ждет смерть, в которой и писатель, и читатель видят искупление ее грехов, как реальных, так и навязанных обществом. Начало ревизии образа «падшей женщины» в историографическом метаромане традиционно связывают с образом Сары Вудрафт из «Женщина французского лейтенанта» («The French Lieutenant's Woman») (1969) Дж. Фаулза (John Fowles) (1926-2005). «Падшая женщина» в романе Ф. Остин не получает традиционного наказания от общества, мироздания или иной высшей силы за свои «грехи», писательница реабилитирует ее право если не на счастье, то на спокойствие, отражая тем самым свою жизненную позицию и актуализируя современную европейскую гендерную повестку.

Портрет Лидии Робинсон, написанный в романе Ф. Остин, далек от идеализации, но исполнен известного обаяния. Как параллель на ум приходит Скарлетт О'Хара из романа М. Митчелл (Margaret Mitchell) (1900-1949) «Унесенные ветром» («Gone with the Wind») (1936), образ которой, если верить самой американской писательнице, был задуман как отрицательный, но стал очень любим и популярен, потому что представления о гендерных ролях менялись. Героинь роднит стойкость характера, способность к выживанию, желание жить полной жизнью и находить выход из ситуации в тех условиях, в которых ей суждено существовать. По мнению писательницы Сири Джеймс, автора книги «Тайные дневники Шарлотты Бронте» (2009), Ф. Остин «осмеливается сделать главную героиню такой же несовершенной, как Леди Сьюзен Джейн Остен или Скарлетт О'Хара – реальной женщиной из плоти и крови, у которой есть желания и страсти и которая не боится их воплотить» [James 2020].

Протест Лидии внутренний, она сама это признает. Минутное желание написать роман она отвергает: *«It was the almost overwhelming desire to write a novel of my own. A story about me. If the Brontë could do it, why shouldn't I? <...> Plain poor and virginal, Charlotte hadn't even sampled half of it – the mewling infants, the cold marriage bed, the years of silence before death. Could I risk a failure, rejection, and indifference? Imbue our tale with dignity? I was not clever enough; I was not good enough; I was not Charlotte»* (Меня посетило почти всеобъемлющее желание самой написать роман. Историю обо мне. Если сестры Бронте смогли, смогу ли я? <...> Невзрачная, бедная, никогда не знавшая мужчины, Шарлотта и половины этого не испытала – хныкающие дети, холодная брачная постель, годы молчания перед смертью. <...> Останет ли у меня сил пережить провал, осуждение и равнодушие? <...> Я была не настолько умна; Я была не настолько хороша: Я была не Шарлотта) [Austin 2020: 27-28]. Лидия винит себя в конформизме, однако, во вселенной романа ее исповедь все-таки была написана, хоть и не опубликована по неизвестным причинам. По справедливому мнению писательницы Молли Грили, «Brontë's Mistress» «дает голос тысячам женщин, которые, как Лидия, существовали в спертой и душевной атмосфере» [Greeley 2020] Англии девятнадцатого века.

Таким образом, роман Ф. Остин «Brontë's Mistress» предлагает новое прочтение истории семейства Бронте и его «злого гения» Лидии Робинсон. На основе диалога с беллетризированной биографией Элизабет Гаскелл, романами Энн Бронте, Шарлотты Бронте, Джейн Остен Ф. Остин ставит и решает в близком к феминистскому ключе вопросы, связанные с темами семьи, брака, женской сексуальности, роли женщины в викторианском и современном обществе.

Литература

Аникудимова, Е. Н. Шарлотта Бронте alias Каррер Белл (о функции мужского псевдонима в женской прозе) / Е. Н. Аникудимова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2018. – № 3. – С. 162-172.

Бовуар, С. де. Второй пол : в 2 т. / С. Де Бовуар ; пер. с франц. А. Сабашниковой, И. Малаховой, Е. Орловой ; общ. ред. и вступ. статья А. Айвазовой ; коммент. М. Аристовой. – М. : Прогресс ; СПб. : Алетейя, 1997. – 832 с.

Бронте, Э. Незнакомка из Уайлдфелл-холла / Э. Бронте ; пер с англ. И. Г. Гурова. – М. : Эксмо, 2019. – URL: http://www.bookscafe.net/book/bronte_enn-neznakomka_iz_uayldfell_holla-161265.html (дата обращения: 15.01.2021) – Текст : электронный.

Власова, Т. И. Дихотомия «разум/тело» и образование как проблема феминистской философии / Т. И. Власова. – Текст : электронный // Гендерні дослідження: прикладні аспекти : монографія / В. П. Кравец, Т. В. Говорун, О. М. Кікінежди – Тернопіль : Начальна книга ; Богдан, 2013. – URL: <http://www.studylib.ru/doc/2078476/vlasova-t.i.-dihotomiya-razum-telo-i-obrazovanie-kak>.

Воронина, О. А. Феминизм «третьей волны» или постфеминизм? / О. А. Воронина // Гендерные отношения в мире глобализации: вызовы и перспективы : материалы международной научно-практической конф. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2019. – С. 7-12.

Гаскелл, Э. Жизнь Шарлотты Бронте / Э. Гаскелл ; пер. с англ. А. Д. Степанова. – М. : Азбука-Аттикус ; Колибри, 2015. – URL: http://www.librebook.me/the_life_of_charlotte_bronte/vol1.html (дата обращения: 15.01.2021) – Текст : электронный.

Елисеева, И. А. Художественное новаторство документального романа «Незнакомка из Уайфелл-холла» / И. А. Елисеева // Казанская наука. – 2011. – № 2. – С. 165-167.

Коваленко, Т. И. Восприятие романа Джейн Остен «Гордость и предубеждение» в современном российском обществе / Т. И. Коваленко, А. В. Бехер, О. Ю. Золотухина // Язык и социальная динамика. – 2012. – № 12-2. – С. 173-176.

Полякова, Е. А. Проблема автора и проблема модальности в романе Энн Бронте «Агнес Грей» / Е. А. Полякова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.И. Добролюбова. – 2011. – № 15. – С. 150-160.

A portrait of Lydia Robinson. – Text : electronic // Brontë Society Transactions. – 1981. – Vol 18, issue 1. – P. 28-29.. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1179/030977681796456813?journalCode=ybst19> (mode of access: 15.01.2021). – doi.org/10.1179/030977681796456813.

Austin, F. Brontë's Mistress / F. Austin. – New York : Atria Books, 2020. – 40 p.

Austin, F. Lydia Robinson: the 'wretched woman' who corrupted Branwell Brontë / F. Austin. – Text : electronic // The Irish Times. – Wed. Sep. 23.2020. – URL: <https://www.irishtimes.com/culture/books/Lydia-robinson-the-wretched-woman-who-corrupted-branwell-brontë-1.4361727> (mode of access: 15.01.2021).

Barker, J. The Brontës: A Life in Letters / J. Barker. – London : Hachette 2016. – 464 p.

Barnal, R., Bronte, Patrick Branwell / R. Barnal, L. Barnal // A Bronte Encyclopaedia. – Chichester : Wiley Blackwell, 2013. – P. 53-57.

Dinsdale, A. The Brontës at Haworth Frances / A. Dinsdale. – Lincoln, 2006. – 160 p.

Canot, C. The Undesirable Spinster: The Organised Emigration of British Single Women, 1851-1914. Literature 2013 / C. Canot. – URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-00935238> (mode of access: 15.01.2021). – Text : electronic.

Gaskell, E. The Life of Charlotte Brontë / E. Gaskell. – Penguin Classics, 1998.. – URL: <http://victorian-studies.net/EG-Charlotte-11.html#13> (mode of access: 15.01.2021) – Text: electronic.

Greeley, M. "Brontë's Mistress" Review. May 2020 / M. Greeley.. –URL: <https://www.finolaaustin.com/praise> (mode of access: 15.01.2021) – Text: electronic.

Harman, C. *Charlotte Bronte: A Life* / C. Harman. – Viking, 2015. – 558 p.

Helm, W. H. Tuberculosis and the Bronte Family / W. H. Helm // *The Journal of Bronte Studies*. – 2002. – Vol 27, issue 2. – P. 157-167. – doi.org/10.1179/bst.2002.27.2.157.

James, S. Brontë Mistress Review. May 02 2020 / S. James. – URL: <https://www.goodreads.com/review/show/3314987100> (mode of access: 15.01.2021) – Text: electronic.

Neufeldt, Victor A. Bronte, (Patrick) Branwell / Victor A. Neufeldt. – Text : electronic // *Oxford Dictionary of National Biography*. – 2020. – URL: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-3526;jsessionid=85D18899C8356A9152CA6568D6C17EAC> mode of access: 15.01.2021). – doi.org/10.1093/ref:odnb/3526.

Vicinus, M. *Suffer and be Still, Women in Victorian Age* / M. Vicinus. – Bloomington and London : Indiana University Press, 1973. – 256 p.

Waugh, J. The Brontes didn't die from melancholy, weather or death wishes – they died from TB / J. Waugh // *The Independent*. – 2018. – Sunday 28 October.

References

A portrait of Lydia Robinson. (1981). In *Brontë Society Transactions*. Vol 18. Issue 1, pp. 28-29. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1179/030977681796456813?journalCode=ybst19> (mode of access: 15.01.2021). doi.org/10.1179/030977681796456813.

Anikudimova, E. N. (2018). Sharlotta Bronte alias Karrer Bell (o funktsii muzhskogo psevdonima v zhenskoi proze) [Charlotte Brontë alias Currer Bell (about the Functions of Male Pseudonym in Women's Prose)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. No. 3, pp. 162-172.

Austin, F. (2020). *Brontë's Mistress*. New York, Atria Books. 40 p.

Austin, F. (2020). Lydia Robinson: the 'wretched woman' who corrupted Branwell Brontë. In *The Irish Times*. Wed. Sep 23. URL: <https://www.irishtimes.com/culture/books/Lydia-robinson-the-wretched-woman-who-corrupted-branwell-brontë-1.4361727> (mode of access: 15.01.2021).

Barker, J. (2016). *The Brontes: A Life in Letters*. London, Hachette. 464 p.

Barnal, R., Barnal, L. (2013). Bronte, Patrick Branwell. In *A Bronte Encyclopaedia*. Chichester, Wiley Blackwell, pp. 53-57.

Beauvoir, S. de. (1997). *Vtoroi pol: v 2 t.* [The Second Gender, in 2 vols.] / Transl. by A. Sabashnikova, I. Malakhova, E. Orlova, ed. by A. Aivazova. Moscow, Progress, Saint Petersburg, Aleteiya. 832 p.

Bronte, A. (2019). *Neznakomka iz Uaifell-holla* [Tenant of Windfell Hall] / transl. by I. G. Gurov. Moscow, Eksmo. URL: http://www.bookscafe.net/book/bronte_enn-nejnakomka_iz_uayldfell_holla-161265.html (mode of access: 15.01.2021).

Canot, C. (2013). *The Undesirable Spinster: The Organised Emigration of British Single Women, 1851-1914. Literature*. URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-00935238> (mode of access: 15.01.2021).

Dinsdale, A. (2006). *The Brontes at Haworth Frances*. Lincoln. 160 p.

Eliseeva, I. A. (2011). Khudozhestvennoe novatorstvo dokumental'nogo romana «Neznakomka iz Uaifell-holla» [Creative Innovations of Documental Novel "Tenant of Windfell Hall"] In *Kazanskaya nauka*. No. 2, pp. 165-167.

Gaskell, E. (2015). *Zhizn' Sharlotty Bronte* [The Life of Charlotte Bronte] / transl. by A. D. Stepanov. Moscow, Azbuka Attikus, Kolibriy. URL: http://www.librebook.me/the_life_of_charlotte_bront-vol1.html (mode of access: 15.01.2021).

Gaskell, E. (1998). *The Life of Charlotte Bronte*. Penguin Classics. URL: <http://victorian-studies.net/EG-Charlotte-11.html#13> (mode of access: 15.01.2021).

Greeley, M. (2020). "Brontë's Mistress". *Review. May 2020*. URL: <https://www.finolaaustin.com/praise> (mode of access: 15.01.2021).

Harman, C. (2015). *Charlotte Bronte: A Life*. Viking. 558 p.

Helm, W. H. (2002). Tuberculosis and the Bronte Family. In *The Journal of Bronte Studies*. Vol 27. Issue 2, pp. 157-167. doi.org/10.1179/bst.2002.27.2.157.

James, S. (2020). *Brontë Mistress Review. May 02 2020*. URL: <https://www.goodreads.com/review/show/3314987100> (mode of access: 15.01.2021).

Kovalenko, T. I. Bekher, A. V., Zolotukhina, O. Yu. (2012). Vospriyatie romana Dzhein Osten «Gordost' i predubezhdenie» v sovremennom rossiiskom obshchestve [Reception of Jane Austen's Novel "Pride and Prejudice" in the Contemporary Russian Society]. In *Yazyk i sotsial'naya dinamika*. No. 12-2, pp. 173-176.

Neufeldt, Victor A. (2020). Bronte, (Patrick) Branwell. In *Oxford Dictionary of National Biography*. URL: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-3526;jsessionid=85D18899C8356A9152CA6568D6C17EAC> (mode of access: 15.01.2021). doi.org/10.1093/ref:odnb/3526.

Polyakova, E. A. (2011). Problema avtora i problema modal'nosti v romane Enn Bronte «Agnes Grei» [The Problem of Author and the Problem of Modality in Anne Bronte's Novel "Agnes Grey"]. In *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.I. Dobrolyubova*. No. 15, pp. 150-160.

Vicinus, M. (1973). *Suffer and be Still, Women in Victorian Age*. Bloomington and London, Indiana University Press. 256 p.

Vlasova, T. I. (2013). Dikhotomiya «razum/telo» i obrazovanie kak problema feministской философии [Mind / Body Dichotomy and Education as a Problem in Feminist Philosophy]. In Kravets, V. P., Govorun, T. V., Kikinezhdi, O. M. *Гендерні дослідження: прикладні аспекти*. Ternopil', Nachal'na kniga, Bogdan. URL: <http://www.studylib.ru/doc/2078476/vlasova-t.i.-dikhotomya-razum-telo-i-obrazovanie-kak> (mode of access: 15.01.2021).

Voronina, O. A. (2019). Feminizm «tret'ei volny» ili postfeminizm? [The Third Wave of Feminism or Postfeminism?] In *Gendernye otnosheniya v mire globalizatsii: vyzovy i perspektivy: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Tver, Tverskoi gosudarstvennyi universitet, pp. 7-12.

Waugh, J. (2018). The Brontes didn't die from melancholy, weather or death wishes – they died from TB. In *The Independent*. Sunday, 28 October.

Данные об авторе

Илунина Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова (Воронеж, Россия).

Адрес: 394086, Россия, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8.

E-mail: ailunina@yandex.ru.

Author's information

Ilyunina Anna Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Voronezh State Forestry Engineering University named after G.F. Morozov (Voronezh, Russia).